

Глава 2

О Земле и истории

А теперь давайте, опираясь на тревожную двойственность истории, определим ее как фиксацию событий прошлого. В масштабах Вселенной человеческая история — лишь краткий миг, и этим она учит нас скромности. В любой момент какая-нибудь комета может пролететь совсем рядом с нашей крошечной планетой, играючи заставив ее в агонии вращаться вспять или попросту испепелив своим жаром всех людей, словно попавшихся в мухоловку насекомых. Или нашей планете повстречается небольшой улыбчивый астероид, мимоходом, по касательной, заглянувший поздороваться — подобно тому, как полагают многие ученые, который встретился ей пару астрономических мгновений назад, — и принесший с собой конец, полный страданий и мук. Мы принимаем все эти возможности и гордо обращаемся к космосу словами Паскаля: «Но пусть Вселенная и раздавит

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

человека, он все равно будет выше своего убийцы, ибо он знает, что умирает, и знает превосходство Вселенной над ним. Вселенная ничего этого не знает»¹⁵.

История, таким образом, является «служанкой», подразделом геологии. Каждый день море захватывает новый кусок суши или же часть суши оползает в море; города исчезают в толщах воды, и тонущие соборы оглашают окрестности грустным прощальным звоном. Повинуясь тревожному ритму эрозии, то воздвигаются, то проваливаются целые горы; реки, поднимаясь, выходят из берегов или пересыхают, а то и вовсе начинают течь вспять; цветущие долины обращаются в пустыни, а перешейки — в проливы. Геолог опытным взглядом смотрит на поверхность нашей планеты как на нечто непостоянное и изменчивое; человек на ней подобен утопающему Петру, пытавшемуся по волнам подойти к Христу.

Климат сегодня уже не столь жестко контролирует нас, как считали Монтескьё и Бокль¹⁶, но все же

¹⁵ *Pascal. Pensées. No. 347. Цит. по: Паскаль Б. Мысли. Малые сочинения. Письма. М., 2003. С. 112.*

¹⁶ Французский философ Шарль Луи де Монтескьё (1689–1755) и английский историк, «отец научной истории» Генри Томас Бокль (1821–1862) были сторонниками географической школы, то есть полагали, что развитие цивилизации определяется прежде всего географическими условиями и средой обитания. *Прим. ред.*

накладывает свои ограничения. Впрочем, человек, благодаря своей изобретательности, часто может обойти подобные препятствия: к примеру, мы научились орошать пустыни и поддерживать температуру и влажность воздуха в Сахаре, сравнивать с землей и преодолевать горы, высаживать виноградники на холмах. Мы даже можем выстроить плавучий город, чтобы пересечь океан, или построить гигантскую металлическую птицу для воздушных перелетов. Однако торнадо может за час обратить в руины город, отстраивавшийся веками, а айсберг – перевернуть или распороть на лоскуты плавучий дворец, отправив тысячу праздных гуляк изучать, что же скрывается под его верхушкой. Или, скажем, дожди вдруг становятся чрезвычайно редки, и вот цивилизация Центральной Азии уже погребена в песках; или, наоборот, дожди бушующими потоками низвергаются с небес, и непроходимые джунгли душат цивилизацию Центральной Америки. Представим скачок средней температуры в благополучных странах на 20°C, и весь цивилизованный мир вновь погружается в полулетаургическое, дикое состояние. Полмиллиарда жителей субтропических стран размножились со скоростью насекомых, однако изнурительная жара легко швырнула их

к ногам завоевателей из более щадящих климатических зон. Люди, поколение за поколением, учились все лучше и тщательнее понимать и обрабатывать землю, но им было суждено лишь удобрить ее.

География – матрица истории, ее кормящая мать, дом, взрастивший и воспитавший ее. Реки, озера, оазисы и океаны испокон веков притягивали к своим берегам поселенцев, поскольку вода дает начало всякой жизни, в том числе городской, а также транспортной и торговой. Египет был, по определению Геродота, «даром Нила», а народы Месопотамии создали успешные цивилизации в Междуречье – меж двух полноводных рек. Индия – верная дочь Инда, Брахмапутры и Ганга. Китай обязан существованием (и связанными с ним бедами) своим великим рекам, имеющим привычку периодически бушевать и затапливать все на своем пути. Италия облюбовала живописные долины Тибра, Арно и По. Дунай взрастил на своих берегах австрийскую культуру, Эльба и Рейн – германскую, а Рона, Луара и Сена – французскую. Пустынные оазисы питали Петру и Пальмиру.

Когда греков стало слишком много для того, чтобы всем им дружно жилось в единых границах, они начали основывать колонии вдоль побережья

Средиземного моря (теснясь «словно лягушки вокруг болота», по словам Платона¹⁷), а затем и Черного. С тех самых пор, на протяжении двух тысячелетий, начиная с битвы при Саламине в 480 г. до н.э. и заканчивая разгромом Непобедимой армады в 1588 г., северные и южные берега Средиземного моря были предметом раздора между стремящимися к владычеству белыми людьми. Но почти в то же время — с 1492 г. — морские открытия Колумба и Васко да Гамы призвали всех потягаться силами с Океаном. Важность средиземноморских торговых путей была поставлена под сомнение: Генуя, Пиза, Флоренция и Венеция постепенно пришли в упадок; вскоре стал клониться к закату и весь европейский Ренессанс. Цивилизация взяла курс на Атлантику, вскоре распространив свою влияние на добрую половину земного шара; «На запад путь империи лежит», — чутко уловил веяния времени Джордж Беркли в стихотворении, написанном в 1726 г. Но что же дальше? Ляжет ли этот курс и далее через Тихий океан? Принесет ли он европейские и американские торгово-промышленные практики в Китай, как ранее наводнил ими Японию? Не обернется

¹⁷ *Plato. Phaedo. No. 109. (Платон. Собрание сочинений в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. Федон, 109b (как слова Сократа).)*

ли освоение плодородным и обильным Востоком новейших технологий Запада упадком последнего?

Развитие самолетостроения вновь заставит нас перерисовать карту цивилизаций. Торговые пути станут все менее зависимы от рек и морей, а грузы и людей все чаще будут доставлять по воздуху. Такие страны, как Англия и Франция с их обширными морскими границами, будут терять накопленное годами кропотливой работы коммерческое преимущество. Россия, Китай и Бразилия, всегда страдавшие от громадности собственных территорий и потому малой доступности побережий, компенсируют это неудобство за счет воздушного транспорта. Приморские города потеряют существенную долю доходов от транспортировок грузов с корабля на поезд и наоборот. Когда море окончательно уступит свое могущество воздуху, перед нами развернется очередная историческая революция.

С развитием технологий ослабевают географические факторы. Характером местности задается ее пригодность для сельского хозяйства, добычи угля или руды, развитой торговли и прочего, однако лишь богатое воображение и смелая инициатива лидеров и правителей, а также их усердных последователей может превратить возможности

в реальность. Только наличие подобного слаженно работающего механизма (как, скажем, в современном Израиле) дает возможность культуре раскрыться и обрести подлинное величие, несмотря на тысячи преград. Именно человек, а не земля творит цивилизацию.